

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ АВТОРОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Екатерина МАЛОФЕЕВА,
г. Чита

* * *

отделение патологии.

иззябшие, голоногие.

на стенах запреты – нельзя-нельзя,

приказ министерства пятнадцать-бис,

всяк заходящий сюда – боись.

усталая врач говорит:

сальпингит, тонус, опять лейкоциты

повышены,

я бы вас всех из больницы вышибла,

старородящие доходяги, кто же вас стерпит,

Господь всеблагий.

в ночнушках порванных, бесстыдно

распахнутых,

дыша контрабандным табачным запахом,

соседки стращают новеньких

чисткой без обезболивания:

рогатое кресло – ледяные рукояти

из кабинета глядит внимательно.

кто каши не ест, молока не пьёт,

того ночью сестра увезёт-увезёт,

с каталки скинет, давай не стони,

а с мужем не больно спать?

это тебе, дорогая, не спа,

это карательная гинекология.

ну не сохранили, не боги мы.

санитарочка Вера над шваброй бормочет:

и-и-их, женская доля тяжкая,

терпите, мои хорошие.

расходятся после выписки

палаточные попутчицы.

кому – за-вторым-приходите, кому –

в-другой-раз-получится.

кто – с выписной парадной,

кто – с чёрного входа украдкой.

и шепчешь, и шепчешь: прости-прости.

не всем семенам дано прорасти,

*пусть время на мукомольне
размелет в пылинки зёрна,
отмолит сорокуостом.*

*но, Боже мой, как же больно.
но, Боже мой, как же пусто.*

* * *

*в озёрной, тёмной, ледяной воде,
русалочьего гребня разглядев
на дне узор заметный, ждём чудес.
и караулим*

*признание в небесном ведьмовстве:
закатный, дымный, невесомый свет.
узorcатым рисунком тонких вен
безлюдных улиц*

*любуюсь, распознать обманный шаг –
в неоновых змеится миражах,
что время врачевать и воскрешать –*

пришёл декабрь.

*всё по кольцу, вот ключ, разгадка чар.
уходишь в темноту в вечерний час,
с рассветом возрождаешься, крича,
слепым и слабым,*

побыв со смертью миг наедине.

*и в вечной суете и беготне
потянется цепочка сонных дней,
пустых, несчастных.*

*и крутим мы скрипучий маховик,
и наново мы учим алфавит,
мечась по миру в поисках любви,*

горим и гаснем.

Арман КОМАРОВ,
г. Омск

* * *

*Пазлы памяти собирать...
Помню брата, отца и мать,
Мятный чай, шоколад в фольге,
Кошку, льнущую к моей ноге,
Дачный домик, трескучую речь печи,
Мамин фартук, мамыны калачи...*

*Рай – отчётливее теперь –
Цветёт улыбками матерей.*

Убегу в тайгу,
ощетинюсь побитым зверем.
Я никого не люблю.
Я никому
не верю.

Только синь надо мной осыпается звёздной
пылью.

Забудется сказкой всё, что когда-то
случилось былью.

Терять больше некого, нечего,
шум городов
сродни гоготанию ада.
Сегодня ты
предложила любовь,
но навряд ли
мне это
надо.

Ты молода и красива и пахнешь сырým
апрелем,
голос звенит, и в глазах изумрудом таится
зелень.

Я бы пошёл за тобой
по пятам,
обретая в пути своё имя.
Раненый рыцарь,
безумный Тристан,
только немного
синий.

Но демон смотрит мне прямо в лицо,
другой же скулит в затылок.
Жизнь – припадочный вальс под луной
в окруженье пустых бутылок.

Убегу в тайгу.
Ощетинюсь побитым зверем.

Я.
Никого.
Не люблю.

Я.
Никому.
Не верю.

* * *

По дачам лето тихо катится.
Умолкла вечная сумятица.
Пылает маковое платьице
У деревянного крыльца.

И, тенью утренней умножены,
Неспешно мысли осторожные
Ползут кофейными дорожками
По чашке сонного творца.

А над ленивой этой прозой
Погода быть пыталась грозною,
Но тут же хохотала грозами
До слёз, рассыпанных в траве.

От них легли повсюду зайчики,
Цветные солнечные мячики,
И слов, что ничего не значили,
Стада бродили в голове.

* * *

«Разотри тимьян, не рассыпь шалфей,
Что дрожишь, как хвост у рябой овцы?
Соберись давай, прекращай тут цирк.
На, держи свой чай, потихоньку пей».

Голос твой затих много лет назад,
Только память смех до сих пор хранит,
Милых рук тепло – в пальцах вьётся нить,
Вспоминаю дом, а за домом сад,

А за садом луг помнит зелень глаз,
За собой зовёт сладкий шёпот трав:
«До того ль теперь? Кто из нас был прав?
Мы родная кровь, вот и весь рассказ».

Научи меня, как же быть сейчас?
Из седой дали добрый дай совет.
Как сберечь в себе хоть надежды свет,
Пусть расскажет дождь, мне в окно стучась.

«Не сжигай мостов, не руби сплеча.
Из любой беды выход есть всегда.
Все печали в срок унесёт вода,
Так не вешай нос и допей свой чай».

Роман ПОПЛАВСКИЙ, г. Тюмень

* * *

Срослись берёза с елью
и ветками сплелись.
Посмотришь: в самом деле,
вот – хвоя, рядом – лист.

Не изменил ли где-то
вращенья шар земной?
С иголки одета
берёза и зимой,
а ёлка, лишь нагрят
осенний перелом,
берёт взаймы багрянец
и щеголяет в нём.

* * *

Самолюбование в моде:
важная птица
луна в глубокий колодец
не наглядится.

Кривится гордая пленница
ведра железного,
а в чашку мою смотреть то ли ленится,
то ли брезгует.

ЗИМА

Снегирь на ветке,
под ним синица –
долгий светофор.

Тамара ЮШКИНА, г. Канск

* * *

Девочке восемь лет. Девочка держит скрипку.
Носит колготки с ромашковым полем
и на лице улыбку.
Сидит за большим дубовым столом,
рисует маме открытку
И в предложении из двух строк
лепит четыре ошибки.
Девочка знает названия нот и цветовые гаммы,
Папа ей дарит красивый блокнот
с надписью: «Самой-самой».

А по ночам, закрывая глаза,
девочка видит поляну,
Нежный цветок, полёт мотылька
и руки любимой мамы.
Девочке десять лет. И девочка точно знает,
Что счастье на этой планете есть,
что чудеса бывают!
Девочка вырастет, станет художником
или великим поэтом,
Напишет картину, повесит у двери,
пусть смотрят другие дети.
Девочка любит яблочный лёд
и шоколад «Алёнка»,
Все говорят, что на целом свете
нет чудесатей ребёнка,
Девочка ходит изящно и плавно,
словно летают птицы,
Лет через десять, а может, и двадцать
станет известной актрисой.
Девочка скоро окончит школу,
выйдет с блестящей медалью.
Столкнётся ребёнок с правдой суровой:
мечты не становятся явью.
Девочка смотрит цветные рисунки
в старом, потёртом блокноте
И заливает горячей слезою
не менее горький кофе.
163 На торте уже свечей восемнадцать,
девочка стала взрослой,
Каждую ночь свои все желанья
она посылает к звёздам.
Девочка выросла из платья в горошек,
но так и не стала поэтом,
И вот этой ночью, грустной и звёздной,
плачет и пишет про это.

Павел СИДЕЛЬНИКОВ, г. Тюмень

* * *

Лежать на простыне вдвоём,
о мае говорить, о лете,
о платье розовом твоём
и обо всём, что есть на свете.
Закреть окно, завесить тюль
всего осталось на прощанье.
И мы как высохший июль,
любовь и сонное молчанье...

* * *

Я молчу. Темнота в округе.
Слышно пенье птиц за окном.
И по улице бродит ругань:
молодёжь кричит перед сном.
Кто-то громко стучит, хохочет.
Где-то время уходит вспять...

Это музыка поздней ночи
научила меня молчать.

* * *

Вот так смотри: чужого не дано,
а что своё – то в рамку и на полку.
И я смотрю и робко, и чудно,
подобно большеглазому ребёнку.

И взгляд далёк, он требует тепла,
родного дела, как стихотворенье
о том, что жизнь со мною не была,
хоть и она закончилась рождением.

Наталья ДОБАРКИНА,
г. Иркутск

167

ХЛЕБ

Чёрный душистый хлеб
зрел на поду печи.
Он ноздреват и слеп
и иногда горчит,
сдобренный молоком,
зеленью и слезой.
Срощенный с языком,
с вымесившей рукой.
Мягкий, как чернозём,
в колкой щетине ржи.
Небо впитал с дождём,
Пот из мужицких жил.
К праздничному столу.
К постным остывшим щам.
Хлеб – голова всему,
Рыбам и чудесам.

* * *

Светлоокая берегиня,
береги меня, береги меня.
От несчастной любви коварства,
от коня и горящего царства.

Мне берёзы твои как сёстры,
только выше меня по росту
И не знающие печали.
Береги меня, как вначале.

Ева РАЙМ,
г. Новосибирск

* * *

Если бывают пельмени домашние,
Значит, в природе встречаются дикие.
Лица их смелы, кинзой разукрашены.
Тесто их тонко, тела – невеликие.

С криком «ю-ху!» прыгнут в реку бурлящую,
Чтобы доплыть до свободного берега.
Те, что вы ели, все ненастоящие.
(Но симулируют очень уверенно!)

* * *

Что знаешь ты про жизнь бактерий
Нелёгкую и скорбную?
Как неподатлив эпителий,
Молниеносна скорая...

Все норовят помыться с мылом
И съест еду нормальную.
А им, беднягам, не по силам
«Антибактериальное».

Из поколенья в поколенья
Идёт борьба с препонами.
И остаются, к сожаленью,
Сироты миллионами.

Дарья УЛАНОВА,
г. Хабаровск

* * *

Придёт зима, и ты меня отпустишь.
Растерянные веки отворишь,
Я огляжу белеющую пустошь
И сердца не почувствую внутри.

Деревьев остывающие жилы.
Речная загустевшая броня.
Ты скажешь: «Забираю, что вложила».
И тихо вынешь душу из меня.

* * *

*Город – оглушительная фабрика.
Город производит одиночество.
И за лентой этого конвейера
Я, по ходу дел, работник месяца.*

*Город производит информацию.
Город производит равнодушие.
Иногда они пересекаются,
Эти производственные линии.*

*И за лентой серого конвейера
Я, по ходу дел, работник вечности.*